

A man and a woman are standing in front of a large, ornate building at dusk. The woman, on the left, has dark, wavy hair and is wearing a dark green dress and a brown blazer. She is holding a framed painting. The man, on the right, has grey hair and a beard, and is wearing a dark suit and tie. The background shows the building's lights and some autumn foliage.

В.К. Косс

Он бросил меня
ради богатой невесты.
Теперь я — хозяйка
его семейного
особняка

В.К. Косс

**Он бросил меня ради богатой
невесты. Теперь я — хозяйка
его семейного особняка**

«Автор»

2026

Косс В.

Он бросил меня ради богатой невесты. Теперь я — хозяйка его семейного особняка / В. Косс — «Автор», 2026

За двадцать три дня до свадьбы Кирилл говорит Вере, что женится на другой. У новой невесты — деньги и полезные связи. У Веры остаются несостоявшаяся свадьба, работа реставратора и необходимость заново устроить свою жизнь. А потом нотариус сообщает: бабушка Кирилла завещала ей семейный особняк Рудневых. Теперь бывший жених должен спрашивать у Веры разрешения войти в дом, который всегда считал своим. Вместе с наследством она получает коллекцию картин и документы, связанные с её покойной матерью. Чем больше Вера узнаёт, тем труднее понять, кому из Рудневых можно верить. Особенно Андрею — отцу Кирилла. Рядом с ним ей впервые после разрыва хочется довериться мужчине. Но у Андрея есть своя причина молчать о прошлом. Чтобы сохранить дом и вернуть матери её имя, Вере придётся задавать вопросы, на которые новая семья не готова отвечать. А чтобы полюбить снова — понять, способен ли Андрей сказать правду, даже если после этого она уйдёт.

Содержание

Глава 1. На двоих	5
Глава 2. Чужой ключ	9
Глава 3. Рабочий свет	14
Глава 4. Всё имущество	17
Глава 5. Боковая лестница	21
Глава 6. Одна ночь	24
Глава 7. Смета	27
Глава 8. Галина Борисовна	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

В.К. Косс

Он бросил меня ради богатой невесты. Теперь я — хозяйка его семейного особняка

Глава 1. На двоих

Кирилл попросил не заказывать рыбу.

Я уже открыла меню, уже собиралась показать ему строчку с судаком — в этом ресторане его подавали с кислым соусом, который Кирилл любил, — когда он сказал:

— Вер, давай сначала поговорим.

Официант отступил, оставив на столе воду. Кирилл проводил его взглядом. Галстук у него был синий, с почти незаметной серой полосой. Я подарила этот галстук весной, после его первой сделки без участия отца. Тогда он пришёл домой с бутылкой шампанского и поднял меня на руки прямо в прихожей. Я ударилась локтем о косяк, мы оба смеялись, а потом он долго рассматривал синяк, будто это была самая серьёзная потеря за вечер.

— У нас что-то с площадкой? — спросила я.

До свадьбы оставалось двадцать три дня.

Он передвинул вилку. На салфетке осталась вмятина.

— Свадьбы не будет.

В зале негромко играло пианино. За соседним столиком женщина делила ребёнку котлету. Я отчётливо слышала, как нож касается тарелки. Это почему-то раздражало сильнее, чем слова Кирилла.

— Как это?

— Я не могу на тебе жениться.

— Ты заболел?

Он поднял глаза, и по его лицу я поняла: ответ был подготовлен. Возможно, отрепетирован в машине по дороге сюда. Он боялся разговора, но уже находился по другую его сторону. А я ещё сидела среди приглашений, образцов ткани и сообщений фотографу.

— Я понимаю, как это звучит.

— Тогда скажи по-другому.

Он потёр большим пальцем край часов.

Утром мы стояли у холодильника и спорили о рассадке. Тётя Нина не хотела сидеть рядом с Кирилловым партнёром: на последнем ужине тот объяснил ей, почему люди её возраста неправильно распоряжаются накоплениями. Я просила пересадить его, Кирилл говорил, что это невежливо, потом согласился.

Он согласился с рассадкой на свадьбе, которой, оказывается, уже не собирался ждать.

— Ты знал утром? — спросила я.

— Что?

— Когда мы говорили, куда посадить тётю. Ты уже знал?

Он отвернулся. Я проследила за его взглядом: возле окна стояла пустая вазочка, официант поставил в неё один цветок.

— Я собирался сказать вечером.

— Почему не дома?

— Думал, здесь будет спокойнее.

Я посмотрела на ребёнка за соседним столом, на людей, которые могли случайно услышать. Он привёз меня в место, где мне придётся следить за голосом, где нельзя закричать, запереться в ванной или сесть на пол. И называл это спокойствием.

В сумке лежал образец ткани для его костюма. Портной просил привезти, чтобы подобрать оттенок к моему платью. Я собиралась зайти после ужина. Теперь это маленькое обязательство потеряло смысл, а рука всё равно потянулась проверить карман.

— Я не знаю, что делать с платьем, — произнесла я.

— Я всё оплачу.

— Я говорю не о деньгах.

Он замолчал, и мне стало ясно: другой помощи у него для меня не было.

— Мы разные. Ты этого не видишь, потому что привыкла к нам. Я тоже привык. Но дальше так нельзя.

— Ещё в воскресенье ты выбирал номер для брачной ночи.

— Вера.

Вот это и было страшнее всего: он произнёс моё имя тем голосом, каким обычно останавливал затянувшийся спор с подрядчиком. Спокойно, с просьбой не усложнять.

Я поставила стакан. Воды в нём оказалось больше, чем я думала, и немного выплеснулось на пальцы.

— Есть другая?

Пауза была короткой.

— Да.

— Давно?

— Всё началось не так, как ты представляешь.

— Я пока ничего не представляю. Я спрашиваю.

Он посмотрел в окно.

— Мы общались с весны.

С весны. Значит, когда я покупала синий галстук. Когда мы считали гостей. Когда он предлагал сделать в моей мастерской нормальное освещение, потому что «тебе ещё работать и работать, глаза береги».

— Кто?

— Маргарита Ланская.

Имя я знала. В июне Кирилл привёл её на благотворительный вечер, представил как будущего партнёра. Она была невысокой, с короткой стрижкой и очень прямой спиной. Мы десять минут обсуждали, почему маленькие частные музеи закрываются чаще больших. Маргарита слушала внимательно. Я помнила это и сейчас: внимательная женщина, не красивая картинка из чужой жизни.

— Ты собираешься жениться на ней?

Он ответил не сразу, и я успела подумать, что, может быть, всё ещё поправимо. Эта мысль так быстро во мне возникла, что стало стыдно.

— Да.

— Когда?

— Мы пока не назначили дату.

Я кивнула. Кивала я несколько раз, слишком часто, словно принимала рабочую информацию.

— У Ланских деньги, — сказала я.

— Не начинай.

— Я ещё не начинала.

— Дело не только в деньгах. Она понимает, чем я занимаюсь. У нас общие цели.

У меня под ногтём оставалась крошечная полоска зелёной краски. Утром я проверяла старую тонировку на пейзаже, заказчик торопил. Я посмотрела на эту полоску и внезапно вспомнила, как Кирилл однажды сказал: «У других женщин маникюр, у моей — музей под ногтями». Тогда это было ласково. Или я решила, что ласково.

— А я не понимала?

— Ты не любишь этот мир.

— Я любила тебя.

Он опустил глаза. Мне захотелось убрать эту фразу со стола, как плохо поставленный предмет. Не потому, что она была неправдой. Потому что теперь он мог хранить её среди доказательств собственной значимости.

— Я оплачу отмену. Платье, ресторан. Всё, что нужно. И квартира пока остаётся за тобой.

— Квартира твоя.

— Я не выгоняю тебя на улицу.

— Спасибо.

Он услышал благодарность и чуть расслабился. Я смотрела на него и не могла понять, в какой момент мы стали людьми, между которыми возможен такой разговор.

Официант подошёл снова. Кирилл попросил ещё пять минут. Я сказала, что буду суп. Самый обычный, овощной.

— Вер, ты серьёзно?

— Я с утра не ела.

Он замолчал. Я тоже. Когда принесли суп, у меня дрожала рука, и первые несколько ложек пришлось есть очень осторожно. Он сидел напротив, не прикасаясь к воде. Впервые за пять лет мне не хотелось облегчить ему неловкость.

— Ты поговорила с нотариусом? — спросил он вдруг.

Я подняла голову.

— Каким?

— По бабушкиному завещанию. Тебе же должны были назначить встречу.

В феврале, после смерти Елизаветы Павловны, я получила письмо из нотариальной конторы. Пришла, подала необходимые документы. Мне объяснили, что она включила меня в завещание. Я подумала о маленьком этюде с белой геранью: Елизавета несколько раз говорила, что хочет его мне отдать. В следующие месяцы запросили ещё две бумаги, а вчера назначили встречу на понедельник. Я сказала Кириллу об этом за завтраком.

— Ты сейчас об этом?

— Просто вспомнил.

— В понедельник.

— Если понадобится, наш юрист поможет.

Наш. Он даже не заметил.

Я отложила ложку. Суп был ещё горячим, но есть больше не получалось.

— Не понадобится.

Счёт он оплатил до того, как я успела попросить отдельный. У выхода придержал дверь. Я остановилась, пропуская пару, которая шла за нами. Мужчина осторожно поддерживал женщину под локоть — у неё на ноге был ортез. Они о чём-то спорили, негромко и раздражённо, и я позавидовала этой возможности: спорить внутри общего будущего.

— Я отвезу, — сказал Кирилл.

— Мне нужно в мастерскую.

— У тебя же сегодня выходной.

Он всё ещё помнил моё расписание.

— Теперь нет.

Я пошла к остановке, хотя могла вызвать такси. Хотелось делать что-нибудь понятное: переставлять ноги, смотреть на светофор, доставать проездной. В автобусе нашлось место у окна. Телефон лежал в сумке, и я не трогала его до самой мастерской.

Там пахло деревом, бумажной пылью и кофе, который Лида варила так крепко, что его приходилось разбавлять. Она стояла над иконой в увеличительных очках.

— Ты чего? — спросила, едва увидела меня.

Я открыла рот. Вместо слов вышел какой-то короткий, уродливый звук.

Лида сняла очки, положила кисть и подошла. Не обняла сразу. Взяла у меня сумку, усадила на табурет, принесла воду.

— Говори как получится.

— Он женится на другой.

Лида села рядом на низкий ящик с упаковочной бумагой. Я смотрела на её колени, на старые джинсы, на пятно клея, которое мы обе уже месяц обещали вывести.

— Я ведь купила ему подарок, — сказала я.

— Какой?

— На свадьбу. Часы. С гравировкой.

— Вер.

— Там написано: «У нас есть время».

И только тут я заплакала.

Глава 2. Чужой ключ

Домой я вернулась на следующий день. Лида предложила пойти со мной, но мне хотелось хотя бы однажды войти в эту квартиру без свидетелей.

Кирилл оставил на кухне записку: «Вечером буду поздно. Возьми наличные в ящике, если нужно». Под ней лежал список покупок, написанный мною накануне. Помидоры, капсулы для кофе, крем для обуви. Ничего особенного. Вчера у нас закончилось средство для посудомоечной машины, и я обещала купить.

Я сняла список с холодильника, сложила вчетверо и положила в карман.

В гостиной осталась наша фотография из поездки на море. Не парадная: я шурилась, Кирилл держал над моей головой панаму. Рамку он так и не переставил. Я взяла её и обнаружила под ней светлый прямоугольник — уборщица протирала полку вокруг, не поднимая.

Мы познакомились на открытии маленькой выставки. Я помогала развешивать работы и пришла в старых джинсах, потому что не собиралась оставаться. Кирилл спросил, где туалет, я отправила его в кладовку, потом извинялась. Он засмеялся и принёс мне стакан воды. Через час нашёл снова. Я долго считала эту воду началом нашей истории: заметил, что я бегаю между людьми и ничего не пью.

Может быть, заметил. Мне не нужно было отнимать у него каждое хорошее движение только потому, что последнее оказалось жестоким.

Я вынула фотографию из рамки. Хотела порвать, поднесла руки друг к другу и не смогла. Убрала в коробку с документами, решив, что будущая я разберётся лучше. Хотя бы это решение можно было отложить.

Телефон завибрировал. Сообщение от девушки, которая делала макияж: она спрашивала, остаётся ли пробный день.

Я начала печатать ответ и увидела, что пишу ей слишком много: кто кого бросил, когда, почему я не предупредила. Удалила. Оставила отмену и извинение за потраченное время. Она ответила двумя словами: «Очень жаль». Этого оказалось достаточно.

В ящике стола лежала папка с моим заявлением на обучение. Полтора года назад я хотела подать документы, но сроки совпали с поездкой Кирилла. Он попросил поехать с ним: важный ужин, незнакомые люди, одному не хочется. Я согласилась. Потом наступили другие сроки и другие причины.

На первой странице была моя фамилия, на второй — мотивационное письмо. Читая, я с трудом узнавала собственный уверенный голос. Женщина в этом письме знала, чего хочет, и не спрашивала, удобно ли это кому-нибудь ещё.

Я положила папку к книгам. Затем достала и убрала в сумку: вдруг потеряется при переезде.

На кухне стояли две бутылки вина, которые мы купили для гостей после регистрации. Я оставила их. Забрала только деревянную доску — папа когда-то сделал её маме. Кирилл считал неудобной, слишком толстой. Я пользовалась ею всё равно. Она была тяжёлой, пахла деревом даже после многих лет и не имела отношения к тому, сколько мы прожили вместе.

В дверь никто не звонил. Я позволила себе пять минут посидеть на полу среди коробок. Не плакала, даже не пыталась собраться с мыслями. Смотрела на разводы пыли у плинтуса и пыталась привыкнуть к тому, что выходить отсюда придётся мне.

В спальне было чисто. Он сам убрал покрывало, хотя обычно этого не делал. На моей половине кровати лежала его белая рубашка. Я машинально взяла её, чтобы повесить, и остановилась посреди комнаты.

Через полчаса у меня уже стояли две сумки. В одной — рабочая одежда и книги, в другой — бельё. Я недооценила, сколько места занимают вещи человека. У нас не было ребёнка,

собаки, даже комнатных растений: Кирилл часто уезжал, а я забывала поливать. Но пять лет всё равно накопились в ящиках.

В дальнем углу шкафа висел чехол со свадебным платьем. Когда я сняла его, на полу обнаружилась маленькая прозрачная бусина. Швее потеряла её во время последней примерки. Я подобрала бусину и долго не знала, куда положить.

Позвонил фотограф.

— Вера, добрый день. Хотел уточнить время сборов.

Я сказала, что свадьба отменена. Он замолчал, затем заговорил осторожно, совсем другим голосом. Вернуть задаток полностью не получится, но он попробует занять дату. Я поблагодарила. Потом позвонила администратору ресторана. Потом швее. К четвёртому звонку я научилась произносить нужную фразу ровно.

Самым тяжёлым оказался разговор с тётей Ниной.

— Он тебе что, изменил?

— Он женится на другой.

— Скажи отцу.

— У него есть отец. У меня нет.

Тётя Нина растерялась. Моего папу она помнила ещё студентом, и всякий раз, когда происходило что-то плохое, на секунду забывала, что его давно некому позвать.

— Я про его отца. Андрею Сергеевичу скажи. Пусть вправит мозги.

— Мне не нужен жених с вправленными мозгами.

Произнеся это, я села на кровать. Фраза была правильной. Чувства за ней пока не поспевали.

На полке в ванной стояли два одинаковых стакана. Мою зубную щётку Кирилл переложил в шкафчик. Наверное, убирался. Наверное, не хотел смотреть. Я поставила её обратно, потом снова забрала. Даже это маленькое действие казалось соревнованием, в котором невозможно победить.

В дверь позвонили в половине третьего.

Соня держала пакет из кондитерской. Она дружила с Кириллом со школы, а со мной — последние четыре года. Я знала, как выглядит её сын в костюме зайца, где она прячет сигареты от мужа и чего боится перед каждым обследованием. Мне казалось, этого достаточно, чтобы считать человека близким.

— Он попросил помочь тебе, — сказала она.

— С чем?

— Ну... собрать вещи. Поговорить.

— А ты когда узнала?

Соня переступила через порог и поставила пакет на тумбу.

— Вер, я не хотела лезть.

— Когда?

— В июле.

Я посмотрела на пакет. Там были мои любимые пирожные с лимонным кремом.

— Ты помогала мне выбирать фату.

— Я думала, он одумается.

— И я могла бы выйти замуж, если бы он одумался? Не зная?

— Я между вами. Это ужасно.

Я понимала, что ей правда неприятно. Она не пришла злорадствовать, не собиралась причинять мне боль. И всё же месяц назад мы сидели в кафе, она увеличивала на телефоне фотографию моего платья и говорила: «Кирилл упадёт».

— Забери пирожные, пожалуйста.

— Ты их любишь.

— Соня. Пожалуйста.

Она ушла, оставив пакет. Я не стала бежать за ней. На такое у меня не было сил.

Лида приехала в шесть, вместе с мужем и его старым универсалом. Мы вынесли сумки, коробку книг, кресло из моей прежней квартиры. Кирилл однажды хотел выбросить его, потому что протёртые подлокотники портили гостиную. Я настояла, и оно осталось — как я тогда думала, доказательством того, что в этом доме есть место моему вкусу.

— Платье? — спросила Лида.

— Пусть пока висит.

— Это плохое «пока».

Я взяла чехол сама.

Перед уходом прошлась по квартире. В прихожей лежал запасной ключ от его машины. Я положила рядом ключ от квартиры. Пропуск в жилой комплекс тоже оставила. При этом почему-то вспомнила, что на парковке у Кирилла плохо работает датчик, и чуть не написала ему предупреждение.

На лестнице я остановилась.

— Что? — спросила Лида.

— Забыла.

В кухонном ящике, под салфетками, лежала коробка с часами. Я достала её, не открывая. Коробка была неожиданно тяжёлой.

На улице уже темнело. Лидин муж закреплял кресло ремнём, деловито и молча. Я села на заднее сиденье, поставила подарок на колени.

Кирилл позвонил, когда мы выехали со двора.

— Ты уехала?

— Да.

— Зачем так резко? Мы же договорились, что можешь жить.

— Мы не договаривались.

— Где ты?

Я посмотрела на Лиду. Она не оборачивалась, но её плечи напряглись.

— В машине.

— Ты понимаешь, что я спрашиваю.

— Понимаю.

Он выдохнул.

— Вер, не превращай это в войну.

Мне захотелось сказать, что я просто вывезла собственное кресло. Что войны начинаются иначе. Что он не может одновременно оставить меня и решать, насколько далеко мне позволено уйти.

Вместо этого я сказала:

— Договоры по свадьбе пришлю тебе завтра. Ты обещал оплатить отмену.

— Хорошо.

Я завершила звонок раньше него. Это было ничтожное достижение, но в ту минуту оно мне понадобилось.

Лида обернулась:

— Кофе или сразу чай?

— Чай.

— Сахар?

— Да.

— Отлично. Тогда сегодня никаких важных решений.

Я прижала коробку к животу. На светофоре остановилась свадебная машина с лентами. Жених на переднем сиденье ел что-то из бумажного пакета. Обычный голодный человек в неудобном костюме. Я отвернулась, чтобы Лида не заметила, как снова изменилось моё лицо.

У Лиды я сначала стояла в прихожей и не могла войти дальше. Сумки мешали, платье цеплялось за крючок. Аня выглянула из своей комнаты, спросила, остаюсь ли ночевать. Я сказала: да. Она обрадовалась, и мне стало так больно от её радости, что пришлось отвернуться к шкафу.

Лидин муж принёс кресло, поставил у дивана. Задохнулся, вытер лоб.

— Тяжёлое, — сказал он.

— Можно было оставить, — ответила я.

Он посмотрел удивлённо.

— Ты же хотела забрать.

Хотела. Почему-то уже начинала извиняться за то, что другие люди делают именно то, о чём я попросила.

Лида показала, где полотенца, куда поставить обувь, как выдвинуть нижнюю часть дивана. Обычные объяснения. Мне хотелось обнять её, но тогда я снова заплакала бы и ничего не смогла делать. Поэтому внимательно слушала про диван.

Платье мы повесили в коридоре. Оно оказалось слишком длинным для низкой вешалки. Чехол касался пола. Лида предложила убрать в шкаф, я попросила пока оставить.

Вечером расстегнула чехол. Не полностью, только сверху. Видела светлую ткань, маленькую пуговицу у горловины. Платье не было виновато, что я выбрала не того человека, и всё равно смотреть на него было неприятно.

Аня подошла, заглянула.

— Красивое. Ты его наденешь?

Лида появилась слишком быстро, и дочь сразу поняла, что спросила не то. Я сама ответила:

— Пока не знаю.

— Можно я потрогаю?

Я разрешила. Она осторожно провела пальцем по рукаву, как трогают то, что может легко испортиться. Потом ушла спать, а я осталась у чехла.

Мне хотелось надеть. Не для будущего мужчины, не для фотографии, не назло Кириллу. Чтобы хотя бы увидеть всё, что я представляла. Это желание казалось жалким, и я не сказала Лиде.

Она сама предложила:

— Если хочешь примерить, я помогу.

Я покачала головой, затем кивнула. Мы закрыли дверь гостиной. Я переоделась, Лида застегнула маленькие пуговицы на спине, до которых я не могла дотянуться.

В зеркале стояла женщина без причёски, с опухшими глазами и слишком красивым платьем для этого вечера. Я смотрела на неё и пыталась вспомнить, что чувствовала на последней примерке. Тогда казалось, всё сошлось. Теперь ткань сидела так же, ничего не изменилось в талии, в рукавах, в длине.

— Ты красивая, — сказала Лида.

— Я знаю.

И расплакалась именно после этих слов. Не потому, что не верила. Потому что красоты не хватило, любви не хватило, пяти лет не хватило. Я всё ещё пыталась найти качество, которое, будь его достаточно, удержало бы Кирилла.

Лида принесла салфетки, села на край дивана. Не говорила, что он меня не достоин. Я сама не могла пока согласиться с такой простой мыслью. Присела рядом, ткань растянулась по полу, и нам обоим стало неудобно.

— Подними, — сказала она. — Запачкается.

Я подняла. Мы некоторое время сидели среди светлой ткани и самых обычных предметов: пульта, детских книжек, коробки с зарядками. Из спальни Лидин муж спросил, нужен ли чай. Мы ответили вместе: да.

Потом я сняла платье. Лида помогла повесить его на плечики и застегнула чехол. Завтра подумаем, куда его деть. На сегодня я достаточно с него намучилась.

Мы вернулись на кухню. Я села, положив ноги на перекладину стула. Носки у меня были разного цвета: собирала наспех. Лида посмотрела, засмеялась. Я тоже немного засмеялась, ещё сквозь слёзы.

День не закончился счастливо. Но закончился рядом с человеком, которому не надо показывать правильную версию себя.

Глава 3. Рабочий свет

У Лиды я спала на диване. Засыпала поздно, просыпалась до будильника и несколько секунд не понимала, почему вижу чужой книжный шкаф.

В воскресенье утром её дочь принесла мне носки.

— Мама говорит, у нас холодный пол.

Ане было девять. Она не спрашивала, почему я живу в гостиной. Просто перед сном убирала с дивана свои карандаши и однажды оставила рядом с подушкой маленькую записку: «Если захочешь посмотреть мультики, пароль 1144».

От этой записки мне сделалось хуже, чем от соболезнований взрослых. Я сложила её и убрала к документам.

В мастерской Лида отдала мне заказ, который могла закончить сама: небольшой портрет женщины в тёмном платье. Поверхность была загрязнена, но работа понятная, требующая спокойных рук.

— Ты меня жалеешь, — сказала я.

— Конечно. А ещё мне нужно закрыть квартал.

Мы работали рядом десять лет, ещё с практики. Лида умела оставлять мне достоинство даже тогда, когда приходилось приносить из дома чужие носки.

Через час в мастерскую пришёл заказчик. Он увидел меня за столом и спросил, почему именно я занимаюсь портретом: прежде с ним разговаривала Лида.

— Мы работаем вместе, — объяснила она.

— Я понимаю. Но хотелось бы, чтобы процесс контролировал кто-нибудь опытный.

Раньше я улыбнулась бы, перечислила образование, назвала несколько больших проектов. Сегодня от мысли, что надо снова заслуживать доверие человека, который даже не спросил мою фамилию, стало дурно.

— Я работаю по согласованной методике, — сказала я. — Если вы хотите сменить специалиста, обсудите условия с Лидией.

Лида посмотрела на меня. Заказчик тоже. Я услышала собственный резкий голос и почувствовала стыд.

— Я не хотел обидеть, — произнёс он.

— Я понимаю. Извините, если ответила слишком жёстко.

Это было неприятное маленькое отступление. Мне хотелось быть правой целиком, но человек задал обычный вопрос, а я добавила в него вчерашний ресторан. Мы поговорили о портрете. Я показала снимки, объяснила, что будет сделано и чего мы не обещаем. Он успокоился, подписал акт и ушёл.

Лида закрыла дверь.

— Ничего страшного, — сказала она.

— Я была груба.

— Немного. Ты заметила и исправила. Это бывает даже без брошенного жениха.

Я посмотрела на неё. Она засмеялась, и я тоже, неожиданно для себя.

Мы выпили кофе на лестнице, потому что в комнате пахло материалами, которые Лида использовала для своей работы. За окном курьер прижимал к груди большую коробку. Мир был занят обычными вещами и не собирался ждать, пока я стану готова к нему.

— Я хочу снять помещение побольше, — сказала Лида.

— Сейчас?

— Вообще. Сейчас смотрю. Но ты можешь не решать сегодня.

Я услышала слова и не смогла удержать их. Начала спрашивать о заказе, о сроках. Она ответила, не возвращаясь к помещению. Позже мне пришлось признать: иногда близкий человек говорит о важном прямо, а мы всё равно не слышим.

В тот день я ещё не умела выйти из своего несчастья настолько, чтобы внимательно посмотреть на чужие планы. Лида не упрекнула меня. Это было великодушно, но я не хотела в будущем пользоваться таким великодушием как постоянным правом.

Вернувшись к портрету, заметила тонкую линию у края: след прежнего вмешательства, которого утром не увидела. Сделала запись, изменила порядок работы. Обычное профессиональное действие. От него стало легче, чем от любого обещания, что всё наладится.

Я могла ещё что-то видеть правильно.

К обеду я поймала себя на том, что уже пятнадцать минут думаю только о портрете. Какая-то часть жизни продолжалась без Кирилла. Это открытие не принесло радости; оно показалось почти неприличным.

Пришло сообщение от него: «Расходы перевёл. Давай созвонимся вечером».

Я проверила сумму. Он оплатил всё, что обещал. В переводе стояло: «За организацию». Лида взглянула на экран и ничего не сказала.

— Надо снять квартиру, — произнесла я.

— Надо. Но не первую попавшуюся.

Я нашла три объявления. В одной квартире хозяйка разрешала жить только человеку «без личных сложностей», во второй кухонный стол стоял практически над унитазом, третья была хорошей и стоила больше, чем я зарабатывала в спокойный месяц.

— Можешь пожить у меня сколько нужно, — сказала Лида.

— Аня делает уроки на кухне из-за меня.

— Аня делала бы их на кухне и без тебя. Поближе к печенье.

Я улыбнулась. Впервые за несколько дней это получилось без усилия.

После работы поехала за коробками к тётё Нине. Там хранилось всё, что не поместилось в квартиру Кирилла: мамы альбомы, несколько папок с рисунками, папины книги. Я не открывала их почти два года. Мы собирались купить жильё просторнее, и я отложила разбор до переезда.

Тётя сварила картошку, поставила на стол селёдку и попыталась объяснить, что тридцать лет — совсем не поздно.

— Я не спрашивала, поздно ли, — сказала я.

Она кивнула, поправила скатерть и больше не возвращалась к возрасту.

Мама на старой фотографии сидела на подоконнике в общежитии. На ней был растянутый свитер, волосы стянуты карандашом. Инна Соколова. Для меня — мама, которая забывала забрать обувь из ремонта и умела нарисовать человека так, что в нём узнавался даже способ слушать. Для остальных — художница, не добившаяся ничего заметного.

Она умерла, когда мне было семнадцать. Последние месяцы я помогала ей спускаться в поликлинику, спорила с врачами о назначениях, покупала продукты. И не задавала вопросов о картинах. Мне казалось, для них потом будет время.

— Это всё? — спросила я у тёти.

— Ещё папка на антресолях.

В папке лежали квитанции, открытки, две фотографии какого-то загородного дома. Я узнала боковой фасад особняка Рудневых, где бывала десятки раз. На одной фотографии мама стояла у строительных лесов, держа под мышкой планшет.

— Ты знала, что она работала у Елизаветы Павловны?

Тётя Нина заглянула мне через плечо.

— У Рудневых? Да. Давно. Что-то оформляла.

— Почему не говорила?

— А что говорить? Работала и работала. Ты сама там постоянно бываешь.

Я всмотрелась в фотографию. Мне было восемь лет, когда я впервые увидела мамину работу в большой галерее. Небольшой городской пейзаж висел в коридоре без подписи. Я спросила, почему её имя не написали. Она ответила: «Не все вещи выставляют правильно».

— Она потом с ними общалась?

— Кажется, поссорилась. Точно не помню. Вера, я тогда о твоей бабушке заботилась, мне было не до их художественных дел.

В её голосе появилась защита. Я убрала фотографию в папку.

Кирилл позвонил уже по дороге к Лиде. Я не ответила. Он написал: «Ты хотя бы сообщи, что с тобой всё нормально».

Я долго смотрела на эти слова. У него была новая невеста, планы, другая жизнь. И всё же он по-прежнему хотел получить от меня маленькое разрешение не тревожиться.

«Я добралась. По вопросам отмены свадьбы пишите подрядчикам напрямую», — ответила я.

Удалила «добралась». Написала: «Со мной всё в порядке».

И тоже удалила.

В итоге отправила только предложение про подрядчиков.

В понедельник предстояло идти к нотариусу. Я положила паспорт на мамины фотографии, приготовила чистую рубашку. Хорошо было иметь обязательство, которое нельзя отменить из-за того, что тебя разлюбили.

Перед сном открыла коробку с часами. Гравировка оказалась мелкой, почти невидимой. Я думала, как подарю их утром после свадьбы, как Кирилл перевернёт браслет, прочтёт и поцелует меня.

Теперь всё это придётся куда-то деть. Вместе с платьем, с бронью ресторана и с той собой, которая настолько не сомневалась.

Я закрыла коробку и поставила её под диван. Потом выключила свет. Из детской доносился Анин кашель, Лида на кухне спорила с мужем о пропавшей зарядке. Мне очень хотелось, чтобы завтра со мной случилось хоть что-нибудь, не связанное с Кириллом.

Глава 4. Всё имущество

В нотариальной конторе пахло свежей бумагой и чем-то сладким: у секретаря остывала чашка с ванильным чаем. Я пришла на двенадцать минут раньше и успела трижды проверить, что паспорт лежит в сумке.

Михаил Борисович принял меня без ожидания. Он был ровесником Елизаветы Павловны или чуть моложе и обращался со мной так же, как в феврале: вежливо, без утешительной мягкости.

— Последние документы получены, — сказал он. — Теперь можем завершить оформление.

Он положил передо мной перечень. Первый пункт я прочла дважды.

Земельный участок. Жилой дом. Хозяйственные постройки. Адрес.

— Это ошибка.

Михаил Борисович снял очки.

— В чём именно?

— Я думала, речь о картине.

Он открыл папку, нашёл завещание и повернул ко мне. Там было моё полное имя, дата рождения и распоряжение относительно имущества Елизаветы Рудневой.

— Вера Алексеевна, вы приняли наследство. С составом имущества мы разбирались отдельно: дом некоторое время числился в старых документах иначе. Сейчас сомнений нет.

— Но у неё сын. Внук.

— Есть. При составлении завещания она учитывала семейные обстоятельства. Их финансовое положение не делает вас обязанной отказаться от её решения.

Я положила ладонь на бумагу, чтобы она не сдвигалась, хотя бумага лежала неподвижно.

— Они знают?

— Андрей Сергеевич знает. Кирилл Андреевич получал необходимые извещения. Есть ещё имущество, которое Елизавета Павловна распределила между родственниками и несколькими организациями. Дом и коллекция предназначены вам.

— Андрей знает, а я нет.

— Вы были уведомлены о завещании. Ваше представление о стоимости наследства меня не касалось, пока мы не закончили проверку. Но вопросы вы могли задавать в любое время.

Это было справедливо и неприятно. Я действительно не задавала вопросов. После похорон мне хотелось выполнить формальности и больше не возвращаться к той неделе, когда Елизавета лежала в больнице, а я не успела приехать к ней вовремя.

Я вспомнила последний разговор с Елизаветой. Не тот, в больнице, где я успела только поправить одеяло. За неделю до госпитализации она позвала меня в дом посмотреть небольшой натюрморт, который когда-то покупала у знакомого.

Кирилл отвёз меня и уехал на встречу. Я осталась на весь день. Елизавета сидела у окна, одетая слишком нарядно для обычного четверга: шёлковая блузка, серьги, помада. На столе лежали бумаги, которые она сразу убрала, как только я вошла.

— Все женщины лечат краской, — сказала она, глядя на мои пальцы. — Я лицо, ты картины.

— Картины краской лечат в последнюю очередь.

— И лицо, вероятно, тоже. Только поздно это понимаешь.

Она смеялась, а я заметила, как быстро после смеха ей пришлось вдохнуть. Предложила открыть окно. Елизавета согласилась, потом потребовала закрыть: дуло. Я принесла плед, и она позволила накрыть колени, хотя обычно не любила выглядеть больной.

Натюрморт оказался не срочным. Я сказала, что работу можно пока оставить как есть: состояние стабильное, видимых опасных повреждений не было.

— Значит, просто посидишь, — произнесла она.

Мы ели яблочный пирог. Елизавета попросила рассказать о платье. Я достала фотографии, она посмотрела, увеличила и сказала, что рукава мне не нужны. Я объяснила, что мне нравятся. Она помолчала и вернула телефон.

— Тогда оставляй.

Это было похоже на уступку, которую она делала сознательно, а не потому, что уже ничего не могла решить.

— Вы расстраиваетесь, что Кирилл редко приезжает? — спросила я.

Она разрежала кусок пирога пополам.

— Расстраиваюсь. Но я тоже не ко всем приезжала вовремя.

Я тогда подумала о её сестре, жившей далеко, о друзьях, которых осталось мало. Не спросила. Мне казалось, пожилому человеку лучше не напоминать о потерях.

Теперь я хотела вспомнить каждую паузу.

В тот день Елизавета вдруг поинтересовалась, сохранились ли мамины рисунки. Я сказала, что у тёти. Она попросила когда-нибудь привезти. Я пообещала, уже думая, что нужно отвезти платье швее и ответить фотографу.

— Мама никогда здесь не была? — спросила я тогда, совершенно случайно, потому что Елизавета смотрела на меня слишком внимательно.

Она отложила вилку.

— Была.

— Правда?

Вошла Тамара, сообщила о звонке. Елизавета взяла телефон, заговорила короткими фразами. Я собрала тарелки, пошла на кухню. Когда вернулась, она попросила поискать очки, потом показать фотографию ещё раз. Разговор о маме не возобновился.

Я могла спросить. Уже тогда. Но чужое умолчание часто кажется вежливым приглашением не продолжать, и я привыкла быть вежливой.

Перед отъездом она попросила меня взять папку с несколькими копиями. Сказала: если придётся оформлять что-нибудь после её смерти, не позволяй Кириллу заниматься этим вместо тебя. Я рассердилась.

— Не говорите так.

— Как?

— После смерти.

— Вера. У меня сердце плохо работает. Это не станет неожиданностью только от того, что мы перестанем называть.

Я взяла папку и дома убрала к документам. В феврале она понадобилась для нотариуса. Тогда я думала, что правильно выполнила её просьбу, пришла сама, подала заявление и больше ничего не передоверила.

Сейчас сидела перед Михаилом Борисовичем и понимала: выполнить действие самой ещё не значит понять, что делаешь. Я попросила копию завещания, перечень имущества, список вопросов, которые остаются открытыми. Он передал бумаги, показал, куда обращаться по каждому пункту.

— Мне надо ещё раз всё прочесть, — сказала я.

— Конечно. Не подписывайте того, что не успели прочесть.

Я заметила на столе фотографию женщины с собакой. Обычная семейная фотография, немного выцветшая. Человек напротив тоже кого-то терял, чего-то не спрашивал вовремя, потом, наверное, возвращался мыслями. Но сейчас он мог помочь мне только своей работой. Я старалась не ждать от него ответа, который оставила ненаписанным Елизавета.

— Можно продать?

— После завершения необходимых действий — да. Только не торопитесь. Вам понадобится оценка, проверка расходов, отдельный разговор о коллекции. Я могу рекомендовать специалистов, не связанных с семьёй Рудневых.

От слова «расходы» стало немного легче. Всё ещё можно было измерить цифрами. Дом переставал быть невероятным подарком и становился задачей, которую я пока не умела решать.

В конце встречи Михаил Борисович передал конверт.

— Это личное. Елизавета Павловна попросила передать вместе с документами.

Почерк на конверте я узнала сразу. Длинные прямые буквы, маленькая петля у «д». Она подписывала этим почерком открытки и баночки с вареньем, которое никогда не варила сама.

Я вышла в сквер и села на скамейку.

«Вера, не отвечай на первое предложение о продаже. У тебя будут причины сердиться на меня. Постарайся сначала разобраться. Ключи у Тамары. Она знает, какую комнату я приготовила. Е. Р.»

Ни «дорогая», ни «прости». Елизавета не любила лишних слов. Даже сейчас это раздражало: человек оставил мне дом и по-прежнему рассчитывал, что я пойму его с полувзгляда.

Лида ответила после второго гудка.

— Ну?

— Мне достался особняк.

— Какой особняк?

— Рудневых.

— В смысле, где мы были на твоём дне рождения?

— Да.

Она некоторое время молчала.

— Сядь, если стоишь.

— Уже.

— Сейчас приеду.

— Не надо. У тебя заказчик.

— Заказчик переживёт. У него портрет, а не аппендицит.

Пока я ждала, позвонил незнакомый номер.

— Вера? Это Андрей Руднев.

Я знала его голос. За пять лет слышала его за столом, по громкой связи в Кирилловой машине, однажды — в больнице, когда у Елизаветы случился первый приступ.

— Добрый день.

— Вы были у Михаила Борисовича?

— Да.

— Надо встретиться.

Никакого вопроса о том, как я себя чувствую. И за это я была благодарна: если бы он сейчас заговорил о сыне, я, возможно, бросила бы трубку.

— По поводу дома?

— По поводу дома.

— Вы знали давно?

— О намерении матери — да. О том, что она его не изменила, узнал после её смерти.

— Кирилл тоже знал?

— О намерении она с ним не говорила. Что ему сообщили позже, лучше спросить у него.

Я вспомнила ресторан, вопрос о нотариусе между отменённой свадьбой и предложением пожить в его квартире.

— Я приеду завтра, — сказала я.

— Я организую машину.

— У меня есть машина.

— Хорошо. В какое время?

— В одиннадцать.

— Тамара будет ждать.

После звонка я достала письмо снова. «Комнату я приготовила». Елизавета успела выбрать для меня комнату. Знала ли она, что мне вскоре негде будет жить? Нет, не могла. В феврале Кирилл ещё говорил о свадьбе при ней. Она улыбнулась тогда и попросила меня подать очки, чтобы посмотреть на кольцо.

Лида приехала с бутербродом в бумажном пакете. Я попыталась рассмеяться.

— Ты всё время меня кормишь.

— Потому что ты всё время забываешь, что человек устроен довольно просто.

Она прочла перечень, письмо и начала задавать вопросы, которых я не задала нотариусу: сколько стоит содержание, кто сейчас живёт в доме, есть ли долги, что именно входит в коллекцию.

— Не знаю, — отвечала я.

— Значит, завтра узнаешь.

Я съела половину бутерброда. Хлеб крошился на тёмные брюки.

— А если он предложит много денег?

— Андрей?

— Да.

— Ты имеешь право их взять.

От этого разрешения я едва не заплакала. Мне уже казалось, что отказаться от дома будет предательством Елизаветы, а остаться — попыткой отомстить Кириллу. Лида оставила ещё одну возможность: выбрать самой.

Телефон снова завибрировал. Кирилл прислал всего три слова: «Не подписывай ничего».

Я положила его экраном вниз.

Глава 5. Боковая лестница

Я приехала в одиннадцать, как обещала. До ворот выключила навигатор: дорогу знала. В последнее время Кирилл возил меня сюда редко, но раньше мы почти каждое воскресенье обедали у Елизаветы Павловны.

Снаружи дом выглядел тем же. Светлый камень, широкие окна первого этажа, две липы у боковой лестницы. Под одной стояла скамья, которую Елизавета называла неудобной, но не разрешала заменить.

Ворота открылись. Сергей, водитель и человек на все случаи жизни, махнул мне из будки.

— Ставьте у гаража, Вера Алексеевна.

Раньше я была просто Верой.

Тамара Степановна ждала у бокового входа. Высокая, плотная, с аккуратно собранными седыми волосами. Она управляла домом больше двадцати лет. Кирилл в детстве боялся её сильнее, чем отца, и любил рассказывать об этом за столом, будто страх давно превратился в шутку.

— Обедать будете? — спросила она.

— Не знаю.

— Тогда приготовим на всех. Решите потом.

Она приняла мою куртку. Я не сразу отпустила рукав.

— Тамара Степановна, я могу сама.

— Можете. Вешалка слева.

Ни упрёка, ни показной покорности. Я повесила куртку, и этот маленький эпизод снял часть неловкости.

В кабинете находились Андрей и Кирилл. Сына я не ожидала увидеть. Он стоял у окна с телефоном в руке, отец сидел за столом Елизаветы. Между ними лежала закрытая папка.

— Ты почему не ответила? — спросил Кирилл.

— Здравствуйте, — сказала я Андрею.

Он встал.

— Добрый день. Садитесь.

Я выбрала кресло у двери. Кирилл убрал телефон.

— Вер, прежде чем мы начнём, я хочу объяснить...

— Что именно?

— Ситуацию.

— Которую?

Он посмотрел на отца. Андрей не помог.

— Дом всегда был семейным, — сказал Кирилл. — Бабушка могла записать что угодно, но ты понимаешь, что это странно.

— Я понимаю, что у меня есть документы.

— Ты же не собираешься жить здесь?

— Пока не решила.

— Здесь мой отец.

— Кирилл, — негромко произнёс Андрей.

— Что? Я говорю как есть.

— Я живу в своей квартире. Сюда приезжаю.

Кирилл сделал нетерпеливое движение плечом.

— Она специально так поступила. Бабушка любила устраивать проверки. Ты знаешь.

Я знала другое: как Елизавета сидела с кислородной трубкой и просила принести из дома альбом. Как Кирилл обещал приехать в субботу и не приехал. Это не делало меня лучшей наследницей. Но его тон был невыносим.

— Не говори о ней так при мне.

Он усмехнулся, слишком быстро.

— Хорошо. Теперь ты будешь решать, что мне говорить о моей бабушке?

— Я буду решать, что слушать.

Андрей отодвинул папку к краю стола.

— Нам нужен разговор без личных претензий.

— Тогда зачем здесь Кирилл? — спросила я.

Он поднял глаза на меня. Я выдержала взгляд, хотя пальцы на подлокотнике похолодели.

— Кирилл, оставь нас.

— Пап.

— Сейчас.

Сын вышел, резко потянув дверь. В соседней комнате что-то сказал Тамаре. Я не разобрала слов и была рада.

— Извините, — произнёс Андрей.

— За что?

— Я рассчитывал, что он будет говорить иначе.

Я почувствовала усталость. На секунду захотелось попросить его тоже уйти, оставить меня одну в кабинете человека, который мог бы объяснить происходящее, если бы был жив.

Андрей подвинул папку.

— Это расходы за прошлый год. Здесь сведения о сотрудниках и договоры на обслуживание. Я подготовил предложение о покупке. Цена выше предварительной оценки. Вам не придётся заниматься продажей коллекции, ремонтом, земельными вопросами.

Я открыла первую страницу. Цифра была такой, что я перестала понимать смысл остальных слов.

На эти деньги можно было купить квартиру и мастерскую. Перестать брать мелкие заказы из страха потерять клиента. Поехать учиться туда, куда давно собиралась. Всё это существовало в одной строке.

— Почему выше оценки?

— Дом важен для меня.

— Только дом?

— И коллекция.

На стене за его спиной висел зимний пейзаж Сергея Руднева, его отца. Елизавета называла эту работу «Поздний снег» и каждый год уверяла, что любит её больше остальных. Я вспомнила мамину фотографию у строительных лесов.

— Моя мать здесь работала, — сказала я.

Андрей не изменился в лице. Только перестал переворачивать ручку между пальцами.

— Да.

— Вы её знали?

— Немного. Это было давно.

— Елизавета Павловна мне ни разу не сказала.

— Мать не всегда возвращалась к прошлому.

Я посмотрела на цифру ещё раз, закрыла папку.

— Мне нужно время.

— Сколько?

— Не знаю.

Он помолчал.

— Хорошо. Предложение останется в силе месяц. Если понадобится больше, скажете.

Он мог бы давить сильнее. Я ждала этого, готовилась. Отсутствие давления смутило меня больше, чем угроза.

Тамара провела меня наверх. На втором этаже было прохладно, пахло выстиранным бельём. Комната в конце коридора выходила на липы. Небольшая спальня, письменный стол, шкаф. На столе лежал мой карандаш в красной оболочке — я оставила его здесь зимой, когда записывала слова Елизаветы.

— Она велела ничего не менять, — сказала Тамара. — Когда вы приходили работать, вам нравился этот свет.

Я подошла к окну. Место действительно было хорошим для работы: свет сбоку, без прямого солнца.

— Вы знали о завещании?

— Знала, что готовит для вас комнату. Остальное поняла позже.

— Это была её спальня?

— Нет. Гостевая. Она называла её вашей.

На нижней полке шкафа стояла картонная папка. Тамара достала её.

— И это просила передать.

Внутри лежал рисунок. Девочка сидела на полу, подтянув одну ногу, и смотрела в сторону. На щеке — маленькая царапина.

Я знала эту царапину. В семь лет упала с велосипеда, а мама заставила посидеть спокойно, пока она делала набросок. Я сердилась, потому что хотела обратно во двор.

На обороте было написано: «Вера. Июль».

Маминым почерком.

Глава 6. Одна ночь

Я спустилась с рисунком в руках. Андрей собирался уезжать. Увидев меня, остановился у входной двери.

— Вы знаете, откуда это?

Он посмотрел на лист.

— Из материнской папки, вероятно.

— Это я. Мама рисовала меня дома. Почему рисунок оказался здесь?

— Вера, я не знаю историю каждого предмета.

Он говорил спокойно, но уже смотрел на часы. У него была встреча. У меня — лицо семилетней девочки на бумаге, которая больше двадцати лет могла лежать у человека, знавшего мою мать и ничего мне не сказавшего.

— Тогда я останусь и посмотрю остальные вещи.

— Вы можете приходить в любое время.

— Я имею в виду — жить.

Он перестал смотреть на часы.

— Сейчас?

— Да.

Мне самой было удивительно слышать это «да». Я приехала без зубной щётки, с папкой документов и банкой крема для рук в сумке.

— Тамара поможет вам устроиться, — сказал Андрей. — Но прежде посмотрите расходы. Здесь многое требует внимания.

— Вы думаете, я передумую?

— Думаю, вам надо понимать, на что вы соглашаетесь.

Он взял пальто. Я хотела спросить о маме снова, но Кирилл появился из столовой.

— Ты остаёшься?

— Да.

— Отлично. Значит, всё-таки война.

Я посмотрела на Андрея. Он стоял между нами, и мне вдруг стало жаль его: взрослый мужчина, которому приходилось слушать, как его сын унижает женщину, ещё недавно собиравшуюся стать его женой.

— Кирилл, мне негде жить, — сказала я. — В моей комнате у Лиды ребёнок делает уроки. Здесь есть свободная спальня. Этого достаточно.

Он помолчал. На его лице мелькнуло что-то похожее на смущение.

— Я предлагал квартиру.

— Я помню.

— Ты специально выбираешь самое болезненное.

Раньше я бы стала объяснять. Подбирала бы слова, пока он не согласится, что у меня есть право поступить иначе. Теперь я просто прошла мимо.

Тамара выслушала мою просьбу и спросила, есть ли лекарства, которые мне нужно привезти. Лекарств не было. Вещи Лида пообещала отправить с мужем вечером.

За обедом нас осталось трое: я, Тамара и Сергей. Он ремонтировал садовую технику и ел быстро, глядя в тарелку. Я настояла, чтобы они сели со мной, и почти сразу пожалела: люди явно привыкли к другому порядку, а я заставила их участвовать в моём представлении о справедливости.

— Простите, — сказала я. — Наверное, вам удобнее по-своему.

Тамара отломил хлеб.

— Сегодня удобно так. Завтра договоримся.

Она умела завершать разговор, не делая его неприятным.

После обеда я прошлась по дому. В спальню Елизаветы заходить пока не решилась. Открыла малую гостиную, библиотеку, комнату, где когда-то стоял бильярд. Зимой мы с Кириллом сидели там на полу и разбирали старые журналы. Он нашёл свой детский снимок в шапке с помпоном, закрыл лицо ладонью и сказал, что мне теперь придётся хранить эту ужасную тайну.

Такие воспоминания приходили без спроса. Я не могла сделать Кирилла человеком, который никогда меня не любил. Было проще ненавидеть его, пока я помнила ресторан. Стоило вспомнить помпон — и становилось трудно дышать.

В библиотеке стоял запёртый шкаф с альбомами. Тамара нашла ключ в связке Елизаветы. Среди каталогов Сергея Руднева обнаружилась тонкая тетрадь с перечнем работ. Я взяла её наверх.

Первый вечер прошёл за цифрами. Коммунальные платежи. Охрана. Зарплаты. Обслуживание отопления. Я записала суммы на отдельном листе и сложила. Потом пересчитала, решив, что ошиблась.

Не ошиблась.

Моих сбережений хватало на несколько месяцев, если тратить осторожно. А дом нуждался в ремонте крыши над западным крылом. В смете рядом с суммой было написано: «срочно».

Я позвонила Лиде.

— Кажется, я сделала глупость.

— Ты решила пожить в собственной спальне. Это ещё не глупость.

— Здесь содержание стоит больше моей зарплаты.

— Значит, завтра разберёшься, что можно изменить. А сегодня поешь.

Она сказала, что кресло уже привезли, но лестница узкая, муж оставил его внизу. Я спустилась и увидела своё старое кресло у огромного окна. Оно выглядело бедным и нелепым. Я села в него, подвинула к себе торшер и устроилась, как привыкла: поджав одну ногу, положив локоть на потёртый подлокотник.

Кирилл написал: «Ты всегда нравилась бабушке. Я не собираюсь это оспаривать. Но жить там — совсем другая история».

Я прочла сообщение и не ответила. Затем убрала телефон в ящик стола.

Перед сном я пошла искать кухню в темноте. Знала дом, но привыкла, что свет всегда включён там, куда идут гости. Сейчас часть комнат закрыли, и несколько раз пришлось возвращаться, искать выключатель.

На кухне осталось яблоко, тарелка с хлебом. Я сделала бутерброд, хотя недавно ужинала. Хотелось чего-нибудь понятного, собственного. Села у окна, в старой футболке и шерстяных носках, не похожая на хозяйку, которую можно показать в журнале.

Телефон зазвонил. Тётя Нина.

— Ты там одна?

— Тамара живёт в пристройке. Охрана у ворот.

— Я не про охрану.

Я посмотрела на пустой стол.

— Одна.

Тётя помолчала. Спросила, не хочу ли приехать к ней. Я сказала, что уже решила остаться. Она опять не спорила, и от этого мне захотелось объяснить подробнее.

Рассказала про комнату, карандаш, рисунок. Тётя долго слушала, потом спросила, уверена ли я, что здесь можно будет работать.

— Пока не знаю.

— Тогда сначала узнай. Ты любишь сразу думать, что не справишься, и делать вид, что поэтому уже надо справиться со всем.

Я улыбнулась. Тётя знала меня дольше, чем все эти новые люди и старые планы.

— Ты приедешь? — спросила я.

— Приеду. Когда скажешь.

— Завтра не надо. Но скоро.

— Хорошо. И не ходи весь день голодная.

Я показала ей бутерброд по видеосвязи. Она рассмеялась, спросила, почему так мало сыра. Я добавила ещё, прямо при ней. Впервые за вечер разговор был устроен так, что я могла исправить всё одним движением.

После звонка вымыла тарелку. Вернулась в гостиную, села в кресло. На стене висели чужие лица, фотографии, картины. У некоторых картин я знала названия. Остальные ещё предстояло рассмотреть.

Здесь можно было снять тапочки, оставить книжку, завтра поставить свою чашку. Вещи постепенно переставали быть экспозицией, если пользоваться ими. Я понимала это как реставратор, но как женщина в чужом богатом доме забывала.

Поднялась наверх, открыла шкаф. Лида прислала одежду, муж аккуратно сложил сумки у стены. Я повесила две рубашки, положила бельё в ящик. Всего несколько движений, после которых спальня стала чуть более моей.

В нижнем ящике нашла запасную подушку. Взяла, положила рядом, потому что привыкла спать с чем-нибудь под рукой. Не вместо Кирилла. Просто так удобнее.

Свет выключила только после того, как проверила телефон. Он больше не писал. Я всё ещё ждала, хотя знала, что сообщение не исправит ничего. Положила экраном вниз, закрыла глаза.

Заснуть удалось не сразу.

Ночью проснулась от незнакомого шума. Внизу включился насос, где-то за стеной щёлкнула труба. Я долго лежала, прислушиваясь. Дом не был страшным, просто я ещё не знала его обычных звуков.

Встала, накинула кардиган и прошла к окну. На дорожке горели два фонаря. Под липами никого не было.

Мне хотелось позвонить Кириллу и сказать, что я не могу уснуть. Я почти физически чувствовала привычное облегчение: его сонный голос, короткое «иди сюда», рука на талии.

Вместо этого я села за стол и положила перед собой мамин рисунок.

Девочка на нём смотрела в сторону, где, вероятно, находилась мама. Я не помнила, что она мне тогда говорила. Может быть, просила сидеть спокойно. Может быть, обещала отпустить через минуту.

Я написала на чистом листе: «Что я знаю». Ниже: «Мама работала здесь. Елизавета хранила её рисунок. Андрей её помнит».

После короткого раздумья добавила: «У меня есть право спросить».

Глава 7. Смета

Восемь лет назад я вошла в этот дом с чужим ящиком инструментов. Старший реставратор заболел, заказ перенесли на меня. Я была уверена, что заказчица откажется: слишком молодая, слишком нервная, почти без самостоятельных крупных работ.

Елизавета встретила меня в прихожей. Первым делом спросила, сколько лет. Я ответила честно и приготовилась защищаться.

— Мне в вашем возрасте доверили младенца, — сказала она. — Картина хотя бы не плачет.

Я не засмеялась. Сильно боялась. Тамара предложила чай, я отказалась, потому что рука дрожала и это было бы заметно. Разложила инструменты, попросила принести чистую поверхность, на которой можно поставить работу.

Елизавета наблюдала за мной первые полчаса. Я объясняла каждое движение, пока она не перебила:

— Вы не обязаны всё время доказывать, что знаете.

— Мне нужно, чтобы вы понимали.

— Тогда говорите, когда это имеет значение.

Портрет был старым, принадлежал её семье. На обороте карандашом записали фамилию, неразборчиво. Я долго разглядывала, наконец сказала, что не берусь прочесть достоверно. Елизавета спросила, почему не попробую предположить.

— Потому что потом это предположение начнут повторять как факт.

Она посмотрела на меня внимательнее. Тогда я решила: хороший ответ помог заслужить доверие. Теперь понимаю, что у неё могли быть совсем другие причины запомнить фразу.

Заказ растянулся на несколько недель. Я приезжала дважды, иногда трижды в неделю. Между осмотрами мы разговаривали. Елизавета умела спрашивать так, что человек невольно отвечал подробнее, чем собирался. Я рассказала о маме, о тёте, о папе, которого почти не помнила. О том, что хотела учиться дальше, но пока надо работать.

— Вам оставили что-нибудь? — спросила она.

Я почувствовала обиду. Решила, что речь о деньгах.

— Рисунки. Книги. Вещи.

— Рисунки храните как следует.

Это было самое подробное её высказывание о маме в первые месяцы нашего знакомства. Я послушалась, купила хорошую папку, убедила тётю не держать всё возле батареи. Иногда забота кажется бескорыстной, пока не узнаешь, откуда человек так хорошо понимает необходимость именно этой заботы.

После завершения заказа Елизавета предложила приходить по субботам разбирать коллекцию. Оплата была умеренной, но регулярной. Мне нравились работы, я согласилась. В первое время записывала в блокнот все её рассказы. Потом перестала: мы обсуждали уже не только коллекцию.

Однажды она дала мне читать детектив, который сама ещё не закончила. Я вернула через неделю, сказала, что виноват врач. Она посмотрела с таким ужасом, что я поняла: прочла быстрее, чем она, и только что испортила ей конец.

— Вы опасный человек, Вера, — произнесла Елизавета.

Два дня не отвечала на звонки. Я всерьёз тревожилась, пока Тамара не объяснила, что хозяйка просто сердится на детектив. Потом Елизавета сама позвонила спросить, почему я не приезжаю.

Я смеялась. Она тоже. У нас появилась история, которая не была связана ни с Кириллом, ни с мамой. Потом таких историй стало больше.

Когда я познакомилась с её внуком, Елизавета не обрадовалась сразу. Сказала, что он обаятельный, но мне не следует из-за него бросать субботнюю работу. Я уверяла, что ничего не бросаю. Через полгода приезжала уже чаще как его девушка, и постепенно перестала получать оплату за то, что продолжала делать.

Она однажды попыталась возобновить прежний порядок. Я обиделась: ведь мы почти семья. Елизавета ответила, что семья не отменяет работы. Я не послушала. Мне было приятно быть нужной без денег.

Теперь я сидела в комнате, приготовленной для меня, и пыталась понять, почему Елизавета не рассказала, что знала маму. Восемь лет мы разговаривали почти обо всём. Может быть, она ждала моего вопроса? Но я-то не знала, о чём спрашивать. Мне хотелось найти объяснение, после которого снова можно было вспоминать её без обиды. Пока не получалось.

Я встала, оделась и спустилась раньше обычного. В кабинете ещё никто не включил свет. Впервые за долгое время открыла старый блокнот с описью, ту часть, которую составляла за плату. Там было больше точных сведений и меньше историй, которые я перестала проверять, когда стала считать себя членом семьи.

Утром Тамара принесла в кабинет две папки.

— Если будете жить, нужно решать.

В первой лежали счета. Во второй — сведения о людях: Тамара, Сергей, уборщица Оксана, приходящий садовник и охранная компания. Я спросила, кто платил после смерти Елизаветы.

— Андрей Сергеевич. Из собственных средств.

— Это долг?

— Он сказал, что нет. Но лучше спросить у него.

Я записала вопрос. Тамара следила за моим карандашом.

— Никто не ждёт, что вы всё сохраните как было.

— А вы?

Она придвинула стул и села.

— Я здесь работаю. Мне нужна зарплата. И понимать, будет ли она через месяц. Привязанность к дому у меня есть, но продукты за неё не дают.

Я почувствовала благодарность за эту прямоту.

Мы прошлись по помещениям. Западное крыло можно было закрыть, оставив отопление на необходимом минимуме. Охране не требовалось постоянно находиться на участке, если заменить часть оборудования. Садовник согласился приезжать реже. Но крыша оставалась крышей: экономить на протечке означало рисковать картинами и перекрытиями.

Под чердачной лестницей стоял таз. За ночь в нём набралось немного мутной воды.

— Елизавета Павловна не хотела ремонтировать? — спросила я.

— Хотела. Болела. Потом оказалось, что всё откладывается.

Я посмотрела вверх. От сырости на штукатурке проступил жёлтый круг. Такое пятно было у нас в старой квартире. Мама каждый год подкрашивала его, пока тётя Нина не заставила хозяина починить трубу этажом выше.

Тамара назвала двух подрядчиков. Один обслуживал дом давно, второй был независимым. Я выбрала обоих: пусть посмотрят и дадут разные расчёты.

После обеда приехал Михаил Борисович. Он привёз окончательные документы и ещё раз предложил юриста по имущественным вопросам. Я согласилась. Прежде я считала такую помощь признаком собственной беспомощности. Теперь беспомощность выглядела иначе: подписать то, чего не понимаешь, чтобы не показаться глупой.

Юрист, Анна Громова, назначила встречу на следующий день. Мы кратко поговорили по телефону. Она сразу уточнила:

— Я не работаю на Рудневых. Мои услуги оплачиваете вы. Если цена неудобна, обсудим объём заранее.

Я выписала стоимость консультации и попросила ограничиться тем, что действительно необходимо сейчас.

К вечеру пришёл Кирилл. Ворота открыли по старому списку. Это было первым правилом, которое мне предстояло изменить.

Он вошёл в кабинет и увидел счета.

— Вот. Я же говорил.

— Что говорил?

— Ты не потянешь.

Слова были неприятны именно потому, что я сама думала об этом весь день.

— Возможно.

Он ожидал возражения и остановился.

— Вер, у нас осталось что-то хорошее. Я могу помочь продать. Получишь деньги, устроишься нормально.

— Ты уже помог мне устроиться.

— Будешь каждый раз это вспоминать?

Я отложила карандаш.

— Пока прошло шесть дней, Кирилл.

Он сел напротив. В знакомом кресле, привычно откинувшись, будто за столом должна была сидеть его бабушка и спрашивать, поел ли он.

— Я не хотел, чтобы получилось так жестоко.

— А как должно было получиться?

— Не знаю. Я сам не знаю.

Впервые он сказал нечто, чему я могла поверить.

Несколько минут мы молчали. Он посмотрел на мой красный карандаш, на кружку, на мамин рисунок. Затем произнёс:

— Ты помнишь, как мы приезжали сюда в снегопад? Машину пришлось оставить у дороги.

Я помнила. Помнила, как он снял пальто и завернул в него пакет с пирожными, чтобы не намок. Как смеялся, провалившись в сугроб. Как бабушка отругала нас за то, что не позвонили.

— Помню.

— Неужели всё теперь плохое?

— Нет. Поэтому и больно.

Его лицо изменилось. Он протянул руку через стол, но я убрала свою.

— Я не могу сейчас делать тебе легче.

— Я не об этом.

— Тогда зачем ты приехал?

Он так и не ответил. Когда уходил, спросил, можно ли забрать лыжи из гаража. Я сказала, что Сергей выдаст всё его личное имущество, если он заранее договорится.

После его отъезда я позвонила охране и попросила убрать автоматический пропуск. Потом сидела над телефоном, чувствуя себя мелочной и злой.

Анна, которой я сообщила об этом при обсуждении доступа, ответила:

— Вы не обязаны принимать гостей без предупреждения.

Простая фраза. Мне понадобилось пять лет и целый чужой дом, чтобы услышать её применительно к себе.

Вечером я продолжила сверять опись коллекции. Тетрадь Елизаветы помогала: рядом с каждым названием стояли год, размер и место хранения. В самом конце обнаружилась запись: «И. С. — вернуть имя. Папка у Г. Б.».

Я сфотографировала страницу и увеличила буквы.

И. С.

Инна Соколова.

Рядом стояла дата — за восемь дней до смерти Елизаветы.

Я позвонила Андрею. Он ответил не сразу; на заднем плане кто-то говорил по-английски.

— Кто такая Г. Б.? — спросила я.

— Что случилось?

Я прочитала запись.

Он помолчал.

— Скорее всего, Галина Берестова. Она много лет работала с отцовской коллекцией.

— У вас есть её номер?

— Есть. Пришлю.

— Спасибо.

— Вера, прежде чем встречаться с ней, поговорите со мной.

Я посмотрела на рисунок, на девочку, которая ещё ничего не знала о будущей жизни своей матери.

— Почему?

Андрей задержался с ответом.

— Там может быть сложная история.

— Она уже сложная.

Он прислал номер через минуту. Я сохранила его и написала Галине Берестовой сама.

Глава 8. Галина Борисовна

Галина Берестова предложила встретиться в её галерее. Я настояла на доме.

— У меня здесь документы, — сказала я.

— Документы обычно помещаются в сумку, Вера.

Она произнесла моё имя так, словно мы были знакомы двадцать лет и я опять сделала что-то неудобное. Я посмотрела на записанный номер, уже жалея, что позвонила.

— Мне важно посмотреть вещи на месте.

— Хорошо. В четверг. В половине пятого.

До четверга оставался день. Я использовала его, чтобы разобрать тетрадь и часть каталога. Сергей Руднев начинал как архитектор, затем занялся живописью. На фотографиях он был красивым мужчиной с тяжёлыми веками, держал сигарету между двумя пальцами и почти всегда смотрел мимо объектива. Пейзажи позднего периода стоили дорого. Три находились в публичных коллекциях, остальные — у частных владельцев.

Мама могла работать с ним как помощница. В этом не было ничего невероятного. Художники иногда поручают другим людям подготовку холстов, технические задачи, отдельные этапы большой работы. Но запись «вернуть имя» плохо укладывалась в такое объяснение.

Галина приехала ровно в половине пятого. На ней было тёмное платье без украшений, кроме небольших часов. Она отдала Тамаре плащ и сразу направилась к лестнице.

— Мы в кабинете, — сказала я.

Она остановилась.

— Конечно.

На столе я разложила копии: мамину фотографию, рисунок, страницу тетради. Подлинники оставила наверху. Анна посоветовала мне пока ничего не передавать, даже знакомым семьи.

Галина посмотрела фотографии без удивления.

— Инна. Да, узнаю.

— Вы с ней работали?

— Некоторое время. Она помогала Сергею Павловичу.

— Чем именно?

— Разным. Техническая подготовка, оформление, этюды. Тогда многие художники брались за такую работу. Ваша мать была способной.

Я не любила это слово. В школе учителя говорили «способная» о ребёнке, которого не собирались хвалить всерьёз.

— Вы сказали «помогала», — произнесла я. — Хотела бы понять, что входит в это слово.

Галина сняла часы и положила рядом с папкой. На запястье осталась светлая полоска. Движение показалось мне слишком домашним: она устраивалась надолго и собиралась объяснить молодой женщине устройство мира.

— В больших мастерских не всё делает один человек.

— Мастерская Сергея была большой?

— Не по размеру. По задачам.

Она перечислила выставки, коллекционеров, поездки. Я слышала часть имён прежде, некоторые впервые. Из её рассказа получалось, что мама вошла в уже существующую систему и должна была быть благодарна за такую возможность.

— Она не была известным художником, — сказала Галина.

— Я знаю.

— Иногда молодому человеку трудно принять собственное место. Хочется сразу выставки, признания. Но надо работать.

— Она работала.

Галина посмотрела на меня, затем на рисунок.

— Вы сейчас воспринимаете это лично.

— Здесь нарисована я. Конечно, лично.

Она улыбнулась, будто я невольно подтвердила её опасения. Я отпила холодный чай. Злилась уже так сильно, что пришлось проследить, как ставлю чашку, чтобы не стукнуть о блюдце.

— Я не спрашиваю, была ли она известной, — сказала я. — Я спрашиваю, что она делала. Конкретно. Готовила холсты? Писала этюды? Заканчивала картины? Рисовала вместо Сергея?

Галина долго смотрела мне в глаза. Потом встала и подошла к книжному шкафу.

— Вот это, — сказала она, вынимая каталог. — Елизавета наверняка вам показывала.

На развороте был летний пейзаж, большая работа с несколькими фигурами. Я знала картину по репродукциям, самого полотна в доме не было.

— Инна делала предварительные этюды. Сергей выбирал, что использовать. Дальше шла совместная работа под его руководством.

— Почему имя только его?

— Потому что так было договорено.

Слова прозвучали слишком легко. Я поняла, что она произносила их много раз, каждый раз получая удобный конец разговора.

— С кем?

— С Инной.

Я посмотрела на летний пейзаж. В нижнем углу ребёнок тянул руку к женщине. Лицо было написано несколькими мазками, черт не разобрать. Но движение было знакомым: мама так рисовала меня, когда я просила разрешения уйти во двор.

— Она потом хотела изменить договорённость?

Галина закрыла каталог.

— Хотела. Но это не значит, что прежняя исчезает задним числом.

— Я об этом и не говорю.

Она вернула книгу, хотя мне хотелось ещё посмотреть. Я сама достала каталог снова и положила на стол. Это маленькое движение почему-то вызвало у неё раздражение.

— Вы будете разбирать всё подряд?

— Буду разбирать то, что принадлежит мне.

— Конечно. Только не делайте из этого расследование для публики.

Я ещё не думала о публике. Галина уже думала. Записала её фразу в блокнот, не пряча. Она заметила.

— Вы записываете наш разговор?

— Свои вопросы. Чтобы не забыть.

На самом деле записала не вопрос, а её страх. Пока не знала, обоснованный ли.

Галина снова села. Попросила воды. Я позвала Тамару и обнаружила, что голос звучит нормально, хотя внутри всё ещё дрожит от желания сказать ей что-нибудь обидное.

Когда принесли воду, она снова надела часы. Теперь уже не устраивалась надолго. Я подумала, что, возможно, наконец перестала выглядеть удобной слушательницей.

— А «вернуть имя» что означает?

Галина наклонилась над тетрадь.

— Елизавета в последние месяцы многое переосмысливала. Болезнь заставляет человека пересматривать прошлое.

— Она путала имена?

— Я этого не сказала.

— Тогда давайте обсуждать запись, а не болезнь.

Она посмотрела на меня чуть пристальнее.

— Инна имела непростой характер. Могла отказаться от договорённости, которую сама предложила. Требовала того, чего никто не обещал.

Внутри поднялась привычная детская злость: когда о маме говорят плохо, нужно возразить сразу. Я прижала ладони к коленям под столом.

— Что за договорённость?

— Профессиональная. Папку, о которой пишет Елизавета, мне нужно найти. Я не храню все материалы у себя на виду.

— Вы принесёте её?

— Посмотрю, что сохранилось.

— Назовите срок.

Она слегка улыбнулась.

— Вы всегда были такой настойчивой?

— Нет.

Я ответила слишком быстро. Улыбка исчезла.

Галина встала и прошла к зимнему пейзажу. Осталась у него на расстоянии вытянутой руки.

— Вам известно, что переоценка авторства влияет на стоимость коллекции? Если возникают сомнения, владельцы предпочитают воздерживаться от покупок. Страховые компании тоже задают вопросы. Дом дорогой в содержании. Лучше действовать осторожно.

— Вы уже знаете, что есть основания для переоценки?

— Я говорю в общем.

Но голос у неё изменился. Стал деловым, сухим. Она перечислила несколько работ, предложила провести профессиональную опись, назвала свою комиссию. Я записала, не соглашаясь.

— Андрей говорил вам о моём вопросе? — спросила я.

— Мы общаемся.

— Он попросил убедить меня продать?

— Андрей достаточно умен, чтобы не давать мне таких поручений.

В этой фразе был смысл, который мне не понравился.

Перед уходом она посмотрела на рисунок ещё раз.

— Можно сделать фотографию?

— Это копия. Заберите.

Я хотела увидеть её реакцию и увидела: короткое удивление, потом спокойное согласие. Галина убрала лист в папку.

Когда машина выехала, Тамара принесла остывший чай.

— Она всегда такая? — спросила я.

— Какая?

— Будто я случайно вошла в комнату, где ей давно принадлежит всё.

Тамара поставила чашку.

— Она много здесь сделала. И привыкла решать, что важно.

— Маму помните?

— Я пришла позже. Елизавета Павловна упоминала Инну раза два. Только не при всех.

— Что говорила?

Тамара задумалась.

— Когда вы впервые работали над её портретом, сказала: «Руки как у матери». Я спросила, знала ли она вашу маму. Она ответила: «Лучше бы знала».

Мне стало холодно. Елизавета восемь лет смотрела на меня и помнила другое лицо. Разговаривала со мной о работе, о Кирилле, о книгах. Почему ни разу не сказала прямо?

Я поднялась в свою комнату и позвонила тётё Нине. Та всё ещё была на работе, на заднем плане стучала посуда.

— Мама подписывала какие-нибудь договоры с художником Рудневым?

— Не знаю, Верочка.

— Пожалуйста, попробуй вспомнить.

— Она тогда получала деньги. Нормальные. Тебя в санаторий отправила. Купила мне стиральную машину, старую я добивала лет пятнадцать.

— А потом?

Тётя долго молчала.

— Потом сказала, что больше туда не поедет.

— Почему?

— Я спрашивала. Мы поссорились. Сказала ей, что с её гордостью ребёнка не прокормишь. Очень нехорошо сказала.

Я закрыла глаза. Тёте тоже пришлось много пережить: после смерти папы она помогала нам, а потом ещё и бабушка заболела. Её слова были жестоки, но я понимала, откуда они взялись.

— Ты потом извинилась?

— Мы больше это не обсуждали.

После разговора я написала Галине: «Прошу сообщить до понедельника, сохранилась ли папка с документами моей матери».

Она ответила вечером: «Вера, прошлое редко выглядит так, как нам хочется».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.